БЛОКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ-100

«ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЗВУК...»

Лев ОЗЕРОВ

МЫ СЛЫШИМ звук. Если слышим. Блок слышал еще невнятный для других, далекий, рождающийся звук. Его рост, нарастание. Его приближение.

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку, Молодеет душа.

Эти две строки говорят мне не меньше, чем все остальные четырнадцать строк стихотворения 1912 года из цикла «Родина» (1907—1916). Эти строки — ключевые.

«Приближается звук...» Для Блока звук — это знак, внешнее выражение сокрытой духовности. Если ты поэт, то должен услышать этот звук-знак. Звук, сопряженный с чувством, мыслью, совестью поэта.

Умение пережить записывать стихами, оно вторично. Главное — умение расслышать звук и догадаться, понять, увидеть, что и кто за ним стоит. Что значит вслушиваться? Творить. К. И. Чуковский верно уловил эту особенность поэта: «До болезни пространство звучало для него так или иначе, и у него была привычка говорить о предметах: «это музыкальный предмет» или «это немзыкальный предмет»... Он всегда не только ушами, но и всей кожей, всем существом ощущал окружающую его «музыку мира».

Для стихотворца привычно слушать фонемы, для поэта — слушать то, что сквозит за фонемами. Слушать и слышать природу, историю, народ, революцию, себя. Сначала приходит звук, мелодия, потом — слова. Не только слова — мысль у Блока рождается из духа музыки. Слуховой диапазон поэта безграничен. Он видит человека и слышит за его плечами трепет крыльев.

Прекрасны «Три послания» (1908—1910), особенно второе, а во втором третья строфа, люблю которую до безумия:

Снежный ветер,
твоё дыханье,
Опьяненные губы мой...
Валентина, звезда, мечтатель!
Как поют твои соловьи...
Это самое блоковское из блоковского. Заповедное. Его музыка, его приблизившийся звук. До этой строфы у Блока сказано: В легком сердце — страсть и беспечность, Слово с моря мне подан знак. Над бездонным провалом в вечность, Задыхался, летит рысак.

Таинственная строфа, внушающая чувство катастрофы! Блок вслушивался и вглядывался в тайну. Он боялся окончательности, резкой определенности, плоскости. Мир рисовался ему многомерным, нескончаемым, недосягаемым. («Тебя подстерегают всюду» («И вновь — порывы юных лет»), «На всех подстерегает случай» («Возмездие»). И этот случай тоже надо расслышать, как в хаосе звуковых волн — чистую мелодию.

С юности помнится, нет — поется в душе:

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Эта знаменитая цыганская песня долгое время жила в народе безымянной. Ее автор — Аполлон Григорьев был известен как критик. И не мудрено: единственный сборник стихотворений Григорьева вышел в количестве 50 экземпляров. В течение трех четвертей века стихи его не переиздавались.

Случайно эта редчайшая книжка оказалась в семейной библиотеке Блока, который, собственно, и открыл нам Аполлона Григорьева, выпустив комментированное издание его стихотворений.

Блоку — составителью книги Григорьева еще зимой 1915 года привелось услышать в уличном театре «Миниатюр» в Петрограде в оперетте «Цыганские песни в лицах» стихи, которые его заворожали.

Актёр, певший эти стихи, не подозревал о том, чьи они. Буйный Григорьев, всю жизнь друживший с цыганством, так и жил

без имени в устах бедного работника маленькой сцены. Не лучше ли для поэта такая память, чем том критических статей и мраморный памятник? — спрашивает Блок. И в самом его вопросе содержится ответ.

Как не задуматься над этими словами Блока! Как не задуматься над судьбой Григорьева! Григорьев оказался в числе тех, кто укрепил связь Блока с музыкой, слова — со звуком. Блок услышал Григорьева.

Ямб, особенно четырехстопный, не только частый, желанный, более того — излюбленный гость русских поэтов. Не гость — хозяин.

Ямб — ось, вокруг которой вращается наша стиховая планета.

Ямб — крепь, основа структурной почвы русского стиха.

Да что говорить! Он у нас горжествует.

Мы прибегаем к его помощи. Но еще не восславили его небывающей мощи и красоты.

Ямбы Тредиаковского и Ломоносова упрочили Державин и Батюшков. Пушкин ямбические грани довел до алмазного блеска и показал русской поэзии неисчислимость этих граней. И еще: он повелел поэтам беречь ямб.

Блоку здесь принадлежит одно из первых мест. Он чувствовал ямбическую волну, докатившуюся до него от ломоносовской «Оды на взятие Хотина» и пушкинского «Медного всадника» («все мы находимся в вибрациях его меди», — писал Блок в «Записных книжках»).

Конечно, он знал немецкие и английские ямбы, он знал ямбы французские — Барбье и Гюго. Но его ямб — блоковский — пушкинской традиции, разнохарактерный, умеющий быть то нежным:

Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча
Я шел к блаженству,
Путь блестел
Росы вечерней красным
светом.

(1899, «Я шел к блаженству. Путь блестел...»)

то патетичным, ярким:

Так бей, не знай
отдохновения,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб,
каменья!

(Пролог к поэме «Возмездие»)

Гневный ямб. А подчас — в пределах одного года, месяца, недели — он обретает прямо противоположные оттенки.

Цикл или книга «Ямбы» (1907—1914) — ценное произведение, имеющее свою композицию. Скорее всего это сюита, состоящая из двенадцати фрагментов. Первый такт этой сюиты — мажор: «О, я хочу безумно жить». Последний такт — «...зрелость гнева — есть мятеж», строки о бриллианте, который «спит сном неведомым и странным», спит, «пока в горах не запоет кирка». Поэт прикладывает ухо к земле и слышит ее глухой гул, наполняющий его тревогой. В «Ямбах» выражены смутные, но сильные предчувствия перемен, даже катастроф.

Блок от лирики переходит к сатире, иногда совмещает их. Пасхальный ночной звон в Ревеле:

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом,
смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...
Эта строфа с юношеских лет потрясала меня. Гребень волны достигает вершины. И тогда мы ждем спада в этом стихотворении. Но это не спад. Это переключение патетики в лирику, в драму. И так, трезвонят —

Над мировым челухою,
Над всем, чему нельзя
помочь;
Звонят над шубкой меховою,
В которой ты была в ту ночь.
В книгу введен Гамлет («Я Гамлет Холодеет кровь»). Здесь получает дальнейшее развитие блоковская тема: покой нет

Нет! Лучше сгинуть в стуже лютый!
Уюта — нет. Покоя — нет.
(1911—1914)

До этого, в 1908 году в цикле «На поле Куликовом»:

Покоя нет. Степная кобылица
Несется вскачь!

Блоковский ямб лег в основу поэмы «Возмездие», строку из пролога к которому («Дроби, мой гневный ямб, каменья») я привел выше. Пролог («Жизнь — без начала и конца») и первая глава незаконченной поэмы («Век девятнадцатый, железный») «Возмездие» по глубине содержания, по красоте звучания стиха принадлежат к числу лучших созданий русской поэмы (не только нашего века). Чеканный, кованный стих передает приближающийся звук, сильную, живую, пульсирующую мысль.

Ямб у Блока был его любимым способом лирического собеседования, пространством и энергией стиха, естественной возможностью и правом переключки с классикой.

Хочу напомнить о нашей старой современнице, умершей в марте этого года, Надежде Павловне, о поэте, так много сделавшей для Блока в стихах и в прозе. С благодарностью вспоминаю ее: именно она открыла мне Блока, приблизила его звук ко мне. Она научила меня слушать приближающийся звук Блока. Не читать Блока, а слушать его.

Летом 1914 года, еще до начала войны, Надежда Павловна знакомится с книгами Александра Блока. Окружающая жизнь и все пережитое обретают для нее другую окраску в свете возмужавшего воспринятой блоковской поэзии. Многие получают новый смысл и новую форму. О миссии поэта думается по-иному, чем прежде. Павловна хочет послать Блоку свои стихи, написать ему, но воздерживается от этого. Через шесть лет Блок скажет ей: «А все-таки могли бы написать...».

Начало революционных лет связано для Надежды Павловны с Пролеткультом. Позже она работает под руководством Н. К. Крупской в Наркомпросе. В эту пору и происходит ее знакомство с Андреем Белым, Вячеславом Ивановым, Валерием Брюсовым. Тогда же Павловна в соавторстве с Сергеем Есениным, Сергеем Клычковым и Михаилом Герасимовым пишет киносценарий «Золушка зори».

В 1920 году Надежда Александровна переезжает из Москвы в Петроград. Она становится одним из секретарей Союза поэтов, председателем которого был Блок. Чувства благодарности и благоговения, всю жизнь владевшие Надеждой Павловной, она выразила в своей поэме «Воспоминания об Александре Блоке». Ее имя неоднократно встречается в дневниках и записных книжках Блока. Так, 12 августа 1920 года он записывает: «Вечером — Над. Ал. Павловна — милая и с хорошими стихами».

Мы не погрешим против истины, если скажем, что Надежда Павловна — поэт блоковского круга. Это подтверждается биографически. Общение с Блоком, его близкими и друзьями многое определило в ее творческом поведении. Близость к блоковской поэтике, к его основным принципам ощущается не только в начальных книгах («Берег», 1922; «Золотые ворота», 1923). Она пронесла их сквозь жизнь, «сквозь долгие годы», как сама говорит об этом. Стремление к возвышенному душевному строю, внимание к человеку — искателю истины, правды — вот что в главном определяло поэзию Надежды Павловны.

Воспоминания Павловны о Блоке в прозе печатались неоднократно, хорошо известны любителям поэзии «Воспоминания об Александре Блоке» (1939—1946) — поэма, состоящая из пяти эпизодов. Каждый из них интересен как свидетельство поэта-очевидца. Здесь я приведу начальную строфу главы «Москва, май 1920 года» (В Политехническом музее), в которой дан удивительно удачный, на мой взгляд, скульптурный портрет Блока:

Почти такой, как мы,
но не такой,
Он проще был,
печальнее и строже:
На шкипера норвежского
похожий,
Как долг, хранил он вечный
непокой.
Блок беседовал с Павловной,

слушал ее стихи. Надежда Александровна пишет:

И никогда мне голос
не забыть —
Глухой, осенний,
на него похожий.

Голос Блока, «на него похожий». Мы слышим этот голос, «глухой, осенний».

Как читать Блока? Прежде всего молча, про себя, вдумчиво.

Блок познается наедине с ним, с его книгами. Задавая вопрос о чтении блоковских стихов, я имею в виду чтение вслух. В юности мне казалось, что, кроме «Двенадцати», Блок непригоден для эстрады. Жизнь внушила другое: в се блоковское можно читать. Вопрос — как читать.

Мне приходилось в разное время слушать, как читают Блока актеры — старые и молодые, профессиональные и любители.

Хочу избежать сопоставлений и оценок и сосредоточиться на одном случае, на одном актере.

Я выбрал для этого Веру Бальмонт, человека, держащего в шкафу своей памяти тысячи строк стихов, рассказы, повести, романы, эпопеи, включая «Войну и мир».

Когда мне нужно студентам моего семинара Литературного института имени Горького «дать тон», верный звук, я приглашаю Веру Бальмонт. Русская речь и русский стих в ее устах обретают право и власть камертона. После этого педагогу легче, сподручней вести занятия, продолжать разговор о поэзии.

В этом голосе мне слышались и звонкое лирическое серебро, и гулкая срапорская медь.

Как же в стесненные рамки одного концертного вечера втиснуть большую поэтическую жизнь?

Прежде всего точным отбором произведений. Вера Бальмонт ведет меня, слушателя, по сложному лабиринту блоковской поэзии, не боясь показать самые разные ее грани.

Мне кажется, что именно так надо знакомить слушателя с Блоком: высветивая все грани его творчества — от лиризма до патетики, от философских раздумий до эпических мотивов.

Вера Бальмонт показывает нам Блока от «Стихов о Прекрасной Даме» до «Скифов», от «Незнакомки» до «Двенадцати». Конечно, это огромный отрезок времени (и какого времени!), это путь Блока.

Полноту ощущений жизни Блок всегда видел в любви. И в ранних, и в поздних стихах Блока актриса находила то, что в конце концов оказалось для поэта решающим.

И мы, слушатели, ощущаем, чувствуем, видим, как шел Блок: от мечтаний о Прекрасной Даме, снов о Фаине, фантазий о снежной маске до прозрения, предвидения, предугадывания будущего России. Путь!

Перед нами в чтении Веры Бальмонт предстает то самоуглубленный, несколько аналитический Блок, то встревоженный, пылливо ищущий, гневный, наконец. Но ведь именно таким разнообразным и был поэт. Сугубо личное, даже интимное как-то непосредственно и без нажима входит у Блока в общеисторическое, гражданственное, патристическое. Для Веры Бальмонт характерно чтение «без нажима». В этом секрет.

Вера Бальмонт сплетает двуплановые мотивы «возлюбленной» и «родины». В ее прочтении мы слышим лирические ноты, обращенные к женщине, но в то же время за ними эпический тон, в котором сквозит образ Родины. За щемящей лирической нотой:

Русь моя, жизнь моя,
вместе ль нам
маяться?

Царь, да Сибирь, да Ермак,
да тырма!
В актерском чтении трудно передать это взаимопроникновение образов Родины и женщины. Если тебе это удастся, как в случае с Верой Бальмонт, то

Блок предстает перед слушателями во весь рост. И мы понимаем, как любовь к женщине вырастает в любовь к России.

Вера Бальмонт, всегда подчеркивающая в своих программах тему Родины, усиливает интонации, обращенные к России. Любовь к Родине, скорбь за нее, за ее судьбу, за ее будущее присутствует не только в стихах, непосредственно относящихся к теме России, но и вообще во всей программе. Актриса слышит не только готовый, оформленный звук, но и звук приближающийся.

Вероятно, чтобы сделать такую концентрированную программу, в которой тема набегает на тему, на интонацию — интонация, а в результате мы чувствуем все полифоническое богатство блоковского письма, потребовалась целая жизнь.

Актриса стала заниматься Блоком в самом начале своего творческого пути. В доме Бальмонтов любовь к поэзии была своего рода наследственной, потустепенной. С детства Вера Бальмонт слышала имя Блока, слышала его стихи, с детства началось увлечение поэтом, увлечение, перешедшее в любовь.

Лирические волны Блока были так сильны, что заставляли ее не только вчитываться в строки поэта, но и вести постоянные беседы о нем с матерью, с учителями, актерами, поэтами, захаживавшими в их дом. Блок в воображении Веры Бальмонт подчас как бы заслонил собой Лермонтова, Тютчева, Фета, Аполлона Григорьева, Константина Бальмонта, дядю актрисы.

Вера Бальмонт прониклась под влиянием Блока страстной убежденностью, что поэзия есть нечто большее, чем мастерство или даже художество.

Белые стихи Блока повествовательны, спокойны, но в них таится драма. Особенно это чувствуешь в цикле «Вольные мысли». Эту-то драму извлекает Вера Бальмонт из подтекста и преподносит слушателю как его, а не ее достояние. Голос спокойный, прозрачный, уверенный в правдивости высказываемого и вместе с тем тревожный, глубоко таящий эту тревогу; тем самым она, таящаяся, производит на слушателя большее впечатление, чем истощный крик.

Мы знаем, что поэт принял Октябрьскую революцию. Как это показывает актриса? Ее Блок музыкален, но это музыка, пронизанная революционной страстью. Актрисе удается найти такие в своей голосовой палитре интонации, которые показывают, что поэт буквально «всем телом, всем сознанием» слушает «музыку Революции». Кстати, работа актрисы, к сожалению, не запечатлена на пленке.

Как кадры в кинематографе, проходят перед слушателями персонажи «Двенадцати»: краснотвардейцы, «барыня в каракуле», «товарищ-поп», «писатель-виталя». Все эти образы оживают в ее исполнении броско, лаконично, как на плакате. Жест скуп, вся нагрузка — на слово. Энергия стиха, его выразительность, скрещение самых различных языковых характеристик — вот что главное в манере Бальмонт, исполняющей «Двенадцать».

«Приближается звук...» Поэт не делает попытки материализовать звук, подчинить его игровым, декламационным, сценическим законам. Звук не служит стиху, а становится его голосовым лицом. Так сливаются звучание и значение. Гармония! Так поэт «...называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт». Так пишет Блок в статье «О назначении поэта». Это одно из последних выступлений Блока, приуроченное к 84-й годовщине смерти Пушкина. Есть все основания считать эту статью творческим завещанием Блока.